

В. В. ГАЛКИН

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС
В БОРЬБЕ ЗА ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ЧАРТИЗМА
В НАЧАЛЕ 50-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В обширной историографии чартизма, являющегося знаменательной страницей истории английского рабочего движения, отсутствует детальное и глубокое исследование его заключительной фазы, которая охватывает 50-е годы XIX в. Буржуазные историки в своих работах неправильно освещают судьбу чартизма, утверждая, что в эти годы чартизм сошел с общественно-политической арены¹. С подобными взглядами нельзя согласиться. 1848 г. действительно был годом последней грандиозной вспышки массовой, общенациональной борьбы английского рабочего класса за Хартию. Однако если подходить к истории этого движения не только с точки зрения основных событий массовой борьбы за Хартию, но и с точки зрения развития его идеологии, то период 50-х годов имеет особо важное значение, так как он неразрывно связан с борьбой основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса за возрождение революционного чартизма.

Маркс и Энгельс расценивали чартизм как подлинно революционное движение английских рабочих, облекших свои насущные требования в форму шести пунктов «Народной хартии»². Она содействовала осознанию английским пролетариатом своих жизненных интересов как класса, и это осознание принимало все более отчетливые формы по мере развития английского буржуазного общества и роста в нем капиталистических противоречий. Ярко выраженный классовый пролетарский характер чартистского движения отличал его от всех так называемых «демократических» движений той эпохи. Этому факту Маркс и Энгельс придавали решающее значение, считая чартистов наиболее близко стоящими к коммунистам³.

Советскими историками написаны отдельные статьи, в которых вопрос о борьбе Маркса и Энгельса за возрождение революционного чартизма после 1848 г. затрагивается лишь в общей форме⁴. Несколько подробнее

¹ См., например, F. Rosenblatt. *The Chartist Movement*. New York, 1916; W. P. Slosson. *The Decline of the Chartist Movement*. New York, 1916; M. Novell. *The Chartist Movement*. London — New York, 1925; J. West. *A History of the Chartist Movement*. London, 1920; E. Dolléans. *Le Chartisme*, t. I—II. Paris, 1912—1913; S. Massobу. *English Radicalism*, vol. III (1832—1852). London, 2-nd ed., 1955. Такую точку зрения разделяет и германский историк — социал-демократ Г. Шлютер. — H. Schlüter. *Die Chartisten-Bewegung*. New York — Stuttgart, 1916.

² Шестью пунктами, впервые выдвинутыми еще в 1835 г. Лондонской ассоциацией рабочих во главе с У. Ловеттом, а затем сформулированными в мае 1838 г. в виде собственно «Народной хартии», были: 1) всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин, 2) ежегодно переизбираемый парламент, 3) вознаграждение членов парламента, 4) тайное голосование, 5) равные избирательные округа, 6) отмена имущественного ценза для депутатов. — См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 2, стр. 452; G. D. H. Cole, A. W. Filsop. *British Working Class Movements. Select Documents 1789—1875*. London, 1951, p. 352.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *Соч.*, т. 4, стр. 339.

⁴ См., например, Г. Быков. К. Маркс, Фр. Энгельс и революционные чартисты. — «Борьба классов», 1934, № 10; В. Семенов. Маркс и Энгельс и чартизм. —

этот вопрос освещается в статье Б. А. Рожкова о чартистской программе 1851 г.⁵ Статья Б. А. Рожкова, написанная на материалах мало изученных источников, представляет собой едва ли не первую серьезную попытку в советской историографии исследовать основные направления социальной и политической программы чартистов в указанный период. В этом отношении статья вносит определенный вклад в изучение истории чартизма в целом.

Тем не менее мы не можем согласиться с некоторыми положениями и выводами в статье Б. А. Рожкова. При анализе чартистской программы и ее исторического значения автор, с нашей точки зрения, переоценил ее положительные моменты, совершенно обошел ряд ее существенных недостатков, слабых сторон и внес известный элемент модернизации. По нашему мнению, Б. А. Рожков преувеличил уровень теоретической мысли авторов программы Гарни, Джонса и др., подчеркивая при этом, что чартисты многое предвосхитили из марксизма. В своей диссертации «Чартистское движение начала 50-х годов», являющейся пока единственным в советской историографии исследованием чартизма данного периода, Б. А. Рожков, поясняя эту свою мысль, заявляет: «Отмечая влияние складывающейся теории Маркса на формирование идей чартистской программы 1851 г., мы отнюдь не собираемся приписывать этому обстоятельству исключительную роль» (см. указанную работу, стр. 162).

Мы же, напротив, считаем, что многим из того, что было в программе ценного и действительно революционного, ее авторы обязаны исключительно влиянию учения основоположников научного коммунизма. В настоящей статье мы ставим себе целью осветить главным образом именно эту сторону вопроса.

По материалам чартистской прессы можно проследить, в чем и как конкретно проявлялось влияние идей Маркса и Энгельса на левых лидеров чартизма, которые вели тяжелую, самоотверженную борьбу за воспитание английского пролетариата в подлинно революционном духе и предпринимали героические попытки возродить массовое движение рабочих за Хартию после 1848 г. В Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится обширная переписка Маркса и Энгельса друг с другом и с чартистскими деятелями. Незаменимым материалом для исследования чартизма являются также произведения Маркса и Энгельса, опубликованные в первом и втором изданиях их сочинений.

При ближайшем ознакомлении с этим кругом источников становится очевидным, что великие вожди международного пролетариата не только вскрыли истинный классовый смысл чартизма, его пролетарскую сущность и историческое значение, но и всесторонне изучили историю этого движения, обобщили и использовали его опыт в своей последующей революционной деятельности. Основные идеи чартизма нашли свое отражение и дальнейшее развитие в разработанной Марксом и Энгельсом теории классовой борьбы пролетариата. В этом смысле чартизм, по словам В. И. Ленина, «во многих отношениях был подготовкой марксизма, «предпоследним словом» к марксизму»⁶.

С другой стороны, изучение этих источников приводит к выводу, что именно благодаря непосредственной близости передовых чартистских деятелей к Марксу и Энгельсу чартистская программа борьбы после 1848 г. приобрела гораздо большую ясность и последовательность, получила свое дальнейшее развитие, обогатилась новым идейным содержанием.

«Историк-марксист», 1933, № 1; М. И. Михайлов. Борьба Маркса и Энгельса за пролетарскую партию в 1849—1852 гг.—Сборник «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». М., 1955.

⁵ Б. А. Рожков. О программе чартистского конвента 1851 г.—«Вопросы истории». 1957, № 2.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 458.

После неудачного выступления чартистов за Хартию 10 апреля 1848 г. начался резкий упадок политической активности рабочих; многие из них, разочаровавшись в успехе чартистской политической программы, попали под влияние буржуазных радикалов. Политическая дезориентация английского пролетариата и разброд в его среде после 10 апреля активизировали у некоторых представителей буржуазно-радикальной партии стремление завоевать доверие рабочих и подчинить их своему влиянию. Считая обстановку для этого благоприятной, они поспешили заключить с чартистами союз на основе компромиссной программы, с целью овладеть рабочими массами и при их поддержке добиться умеренной политической реформы в интересах буржуазии. Плодом такого рода политики явилась пресловутая «Малая хартия» Юма (1848 г.), включавшая следующие пункты: 1) избирательное право для всех, кто снимет дом или полдома, 2) тайное голосование, 3) трехгодичный парламент, 4) равное представительство в парламент от населения⁷. Таким образом, «Малая хартия» по существу сводила на нет «Народную хартию», так как основное требование чартистов — всеобщее избирательное право — было опущено.

В январе 1849 г. радикалом Джошуа Уолмсли была основана так называемая «Национальная ассоциация парламентской и финансовой реформы»⁸, которая наряду с политическими требованиями «Малой хартии» настаивала на пересмотре английского финансового законодательства с точки зрения более равномерного распределения налогов среди населения. Программа этой «Ассоциации» была приспособлена главным образом к интересам английской мелкой буржуазии. Один из лидеров чартистского движения — О'Коннор встал на сторону этих реформаторов, а его печатный орган «Northern Star», предав забвению принципы революционного чартизма, постепенно превратился в рушор буржуазных радикалов, стал трибуной пропаганды их идей.

Однако левое крыло чартистской партии, наиболее революционная часть ее, возглавляемая Гарни и Джонсом, не пошла по пути соглашения, отказалась признать поражение и выступила с лозунгом дальнейшей борьбы за Хартию. Под влиянием Маркса и Энгельса политическая агитация Гарни и главным образом Джонса, как и движение за Хартию в целом, с этого времени приобретает новый смысл, новое содержание, отличное от всей предшествующей агитации чартистов. Если группа О'Коннора, переметнувшись на сторону буржуазных радикалов, отстаивала лишь чисто политическую пропаганду и агитацию в рамках шести пунктов «Народной хартии», то для этой, наиболее дальновидной левой группировки чартистов стало ясно, что время чисто политической агитации прошло, а само чартистское движение необходимо возродить на новой основе, на основе программы борьбы за социалистическое преобразование общества. Об этом свидетельствует, в частности, приводимое далее высказывание Гарни в его полемике с О'Коннором в «Northern Star».

В этом заключалось основное качественное отличие нового курса, а вместе с тем и главное его достоинство, ибо разрыв, существовавший между подлинно революционной практикой борьбы английских рабочих за Хартию и абстрактной, неосознанной до конца теорией этой борьбы, представлял одну из главных причин слабости чартистского движения в предшествовавший период. Тогда еще отсутствовало достаточно ясное теоретическое обоснование борьбы английских рабочих за всеобщее избира-

⁷ См. «Hansard's Parliamentary Debates», Third Series, vol. 99. London, 1848, col. 879.

⁸ G. D. Cole, A. W. Filson. British Working Class Movements, p. 411—413; J. Saville. Ernest Jones. London, 1952, p. 43, 175—176, 236; F. E. Gillespie. Labour and Politics in England, 1850—1867. Durham, 1927, ch. 3.

тельное право. В глазах рабочих Хартия являлась средством их политического и социального освобождения, но как именно должно было произойти это освобождение и как завоеванная политическая власть конкретно должна использоваться в будущем, они себе не представляли. В этом вопросе царили путаница и идейный разброд. Уровень классового сознания у многих рабочих был еще не высок, а потому требовалась широкая революционно-просветительная пропаганда и, прежде всего, глубокая теоретическая разработка социальных вопросов. Опыт классовой борьбы английского пролетариата подтвердил необходимость постановки неотложной задачи — соединения рабочего движения с социализмом и образования на этой базе самостоятельной революционной рабочей партии.

Одним из тех, кто первым в Англии осознал необходимость коренного перелома в чартистском движении и смело выступил с пропагандой новых идей, был Эрнест Джонс. Решающее значение для развития его политических взглядов имело влияние Маркса и Энгельса. Первоначально это влияние осуществлялось через Гарни, с которым Джонс был связан с 1846 г. — с первых дней своего участия в движении. Мы не знаем точно времени первого знакомства Джонса с Энгельсом, но на основании косвенных данных можно полагать, что это произошло еще до конца 1847 г. С Марксом Джонс впервые познакомился в ноябре 1847 г., когда в Лондоне происходил второй конгресс Союза коммунистов. Вторично Джонс встретился с Марксом в Париже в марте 1848 г. Эта встреча состоялась в связи с поездкой Джонса, Гарни и Филиппа Мак-Грата для передачи населению революционной французской столицы приветственного адреса от имени чартистов и «Братских демократов».

Находясь в тесном контакте с немецкими эмигрантами в Лондоне и прекрасно владея немецким языком, Джонс не мог, конечно, сразу же не ознакомиться с основными идеями «Манифеста Коммунистической партии». Влияние этих идей можно проследить по его выступлениям уже в начале 1848 г.

В них Джонс все чаще подчеркивал важность перехода от простого массового движения за Хартию к созданию независимой рабочей партии, без которой он считал невозможной победу рабочих. Так, выступая с речью на одном из чартистских митингов в Лондоне 28 марта 1848 г., Джонс говорил: «Защищая действенную организацию, я не настаиваю на восстании с применением физической силы, я настаиваю на том, что мы должны быть готовы для борьбы против применения силы со стороны правительства. И вот поэтому я защищаю организацию. Без нее народ только толпа, но с нею он превращается в армию»⁹.

Вместе с тем для Джонса становилась все более ясной недостаточность шести пунктов Хартии как программы, на основе которой могло бы дальше развиваться массовое движение английского рабочего класса. В течение двух месяцев, предшествовавших его тюремному заключению после поражения чартистов в апреле 1848 г., Джонс упорно стремился найти истинную цель и смысл борьбы за Хартию — ту цель, для достижения которой завоевание избирательного права могло послужить лишь первым шагом. Эти поиски привели его, в конечном итоге, к научному социализму, для восприятия которого Джонс уже был подготовлен благодаря своей близости к Марксу и Энгельсу.

Джонс не был деморализован неудачей чартистов 10 апреля; в его выступлениях после этого дня звучат еще больший оптимизм и вера в успех дела чартистов. За короткий период своего пребывания на свободе он развернул кипучую агитационную деятельность, совершал многочисленные поездки по Англии и на митингах призывал рабочих продолжать борьбу на новой основе. Правительство, опасавшееся как бы политическая агитация и пропаганда непримиримых левых элементов в чартистской

⁹ «Northern Star», 1.IV.1848.

партии не толкнули массы на новое выступление, решило обезглавить движение, посадив в тюрьму его наиболее активных и революционно настроенных руководителей. Наряду со многими другими видными чартистскими деятелями Джонс 6 июня 1848 г. был арестован в Манчестере по обвинению в мятежных поступках и организации незаконных собраний и немедленно препровожден в лондонскую тюрьму, где находился до 9 июля 1850 г.

Во время тюремного заключения Э. Джонса борьбу левого крыла за возрождение общенационального чартистского движения на новой основе возглавил Дж. Гарни. Как и Джонс, Гарни хотел объединить разрозненные и независимые друг от друга многочисленные чартистские группы в единую армию под красным знаменем социализма. Используя свое положение в редакции «Northern Star», он пытался со страниц этой газеты пропагандировать революционные идеи в массах, но это вызвало враждебную оппозицию со стороны О'Коннора, главного редактора газеты. Чуждый духу революционной социалистической идеологии, О'Коннор выступил в «Northern Star» с нападками на «республиканцев», появившихся в рядах чартистов, предостерегая рабочих против какой бы то ни было «республиканской агитации».

О'Коннор, — писал Гарни Энгельсу 19 марта 1849 г., — направляет свои удары не только против республиканских убеждений, но и против всех тех принципов, которые дороги нам. Дело в том, что он аристократ до мозга костей, только прикрывающийся личиной демократа. Больше того: он хуже, чем аристократ, он соединяет в себе всю вульгарность, все корыстолюбие грязного буржуа, хотя и уверяет хвастливо в противном»¹⁰.

Хотя О'Коннор имел в прошлом немалые революционные заслуги, в начале 50-х годов он отошел от революционных принципов чартизма. Поэтому высказывание Гарни, будучи крайне резким по форме, по существу не расходилось со взглядами Маркса и Энгельса на деятельность О'Коннора в это время¹¹.

Гарни незамедлительно выступил с ответом в «Northern Star» в форме письма к О'Коннору, в котором дал достойную отповедь всем его нападкам на «республиканцев».

«Истинные республиканцы, — писал Гарни, — признают ту или иную форму правления до тех пор, пока эта форма пригодна для того, чтобы народ с ее помощью обрел силу, благодаря которой он получит возможность осуществить свое социальное освобождение. Агитация за Хартию только в смысле толкования и защиты ее «шести пунктов» стала недостаточной. И даже если бы благодаря такого рода агитации удалось добиться Хартии, то народ все-таки не был бы достаточно подготовлен к тому, чтобы должным образом ее использовать. Больше того, я глубоко убежден, что Хартия не может быть завоевана до тех пор, пока массы не поймут, что она им действительно может принести улучшение их социального и политического положения. Свободное и широкое толкование всех социальных и политических вопросов, которые будут представлены на рассмотрение парламента, избранного всеобщим голосованием, есть лучшее средство поднять миллионные массы на борьбу за Хартию и в то же время лучшее средство для того, чтобы подготовить народ для самого широкого применения новых законов, вызванных к жизни Хартией»¹².

Однако Гарни был сильно стеснен в своей агитационной деятельности и пропаганде новых идей среди широких масс рабочего класса. «Northern

¹⁰ Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — Архив ИМЛ). ф. 1, оп. 5, док. 7019.

¹¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 472.

¹² «Northern Star», 10.III.1849. Это письмо было переведено на немецкий язык и перепечатано в «Neue Rheinische Zeitung». В кратком предисловии к нему редакция газеты писала: «В то время как О'Коннор высказывает свои собственные буржуазные причуды, Дж. Гарни выражает мнение подавляющего большинства чартистской партии». — «Neue Rheinische Zeitung», 16.III.1849.

Star» все больше скатывалась на позиции буржуазного радикализма, а О'Коннор всеми мерами препятствовал появлению в ней статей с революционными взглядами. Гарни был поставлен перед необходимостью создания своего собственного печатного органа.

«Мой план,— писал Гарни Энгельсу 19 марта 1849 г.,— немедленное создание новой газеты... Мне нужна твоя помощь. Я хочу, чтобы газета была не только чартистской, я хочу, чтобы это был орган европейской демократии. Я хочу, чтобы ты посылал еженедельные корреспонденции»¹³.

Гарни просил Энгельса сообщить ему — может ли он рассчитывать на его помощь. Энгельс обещал посылать корреспонденции в новый чартистский орган¹⁴. С конца 1849 г. и на протяжении всего 1850 г. Маркс, Энгельс и их ближайшие соратники оказывали Гарни всемерную поддержку в борьбе за новые принципы и новую тактику революционной борьбы пролетариата. После поражения революции в Германии Маркс (в августе) и Энгельс (в ноябре 1849 г.) поселились в Лондоне, куда постепенно стекались и другие члены Союза коммунистов, среди которых было много ближайших единомышленников и друзей Маркса и Энгельса.

С этого времени Маркс и Энгельс получили возможность установить более тесный контакт с революционным крылом чартистской партии и стали активно сотрудничать в чартистском органе Гарни «Democratic Review»¹⁵. Превращая этот журнал в орган пропаганды идей научного социализма, они придавали ему последовательное пролетарски революционное направление. Опубликованную в журнале статью «Вопрос о десятичасовом рабочем дне» Энгельс написал специально для английского читателя. В этой статье Энгельс доказывал, что законодательное ограничение рабочего дня не может рассматриваться как конечная цель рабочего движения, что подобного рода полумеры не могут принести коренного улучшения положения рабочих, что рабочий класс сам должен добиться его посредством завоевания политической власти¹⁶. В журнале был напечатан также сокращенный перевод первой главы работы Маркса «Классовая борьба во Франции». Появление подобных статей в чартистском органе, безусловно, не могло не оказывать своего революционизирующего влияния на его многочисленных читателей из среды английского рабочего класса.

Идеи «Манифеста Коммунистической партии» стали глубже проникать в сознание передовых чартистских деятелей и заставляли их подходить к проблеме борьбы за всеобщее избирательное право в Англии уже с иных позиций. Новые идеи, определявшие новый подход к борьбе за Хартию, были изложены в первом номере журнала «Red Republican»¹⁷.

«Чартизм 1850 г. отличается от чартизма 1840 г. Вожди английского пролетариата доказали, что они истинные демократы. И то, что они так стремительно идут вперед в последние годы,— не показная активность. Они сделали большой шаг от идеи простой политической реформы к идее социальной революции... Чартизм под красным флагом есть надежная защита требований труда; он является сформулированным «Евангелием труда». Чартизм 1850 г.— дело истинного народа Англии, он — дело самих производителей, и борьба этого поработанного класса — наша борьба. Но эта борьба должна вестись под красным флагом, который служит символом новой эпохи, вестником будущего.

Задача, которая сейчас стоит перед нами,— объединить наших братьев пролетариев в массовом масштабе вокруг этого флага при помощи де-

¹³ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 7019.

¹⁴ Там же, док. 7022.

¹⁵ Полное название журнала: «Democratic Review of British and Foreign Politics, History and Literature»; выходил в Лондоне ежемесячно с июня 1849 г. по сентябрь 1850 г.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 243.

¹⁷ Еженедельник «Red Republican» издавался под редакцией Гарни параллельно с «Democratic Review» и выходил с июня до ноября 1850 г.

демократической и социальной пропаганды, посредством агитации за лозунг: «Хартия и ничего, кроме Хартии»¹⁸.

Маркс и Энгельс, развернувшие в 1850 г. энергичную деятельность по реорганизации Союза коммунистов, стремились внести новую революционную идеологию в сознание английских чартистов, направить их борьбу за всеобщее избирательное право по новому пути, по пути социалистической революции. Целью их было не только возродить революционные традиции чартизма 40-х годов, но и внедрить идеи «Манифеста Коммунистической партии» в сознание широких масс английского рабочего класса, чтобы выковать то революционное пролетарское ядро, которое должно было стать основой для образования самостоятельной, независимой от мелкобуржуазных элементов, пролетарской партии — вождя рабочего класса в грядущей революционной борьбе. Эта тактика Маркса и Энгельса во многом содействовала отколу революционно настроенной части чартистской партии от реформистской фракции О'Коннора, проводившей политику соглашения с буржуазными радикалами типа Юма, Уолмсли, Стерджа¹⁹.

В июле 1850 г. был освобожден из тюрьмы Джонс, и его борьба за возрождение революционного чартизма стала еще более энергичной и значительно более последовательной. Джонс не отказался от тех идей, которые он так решительно и смело высказывал весной и летом 1848 г. Он целиком разделял новую установку левого большинства чартистской партии, высказанную в «Red Republican», и был более, чем другие, последователен в ее осуществлении. Выйдя на свободу, Джонс немедленно возобновил свою политическую деятельность. По свидетельству современников, он заявил, выступая на одном из митингов в Манчестере после освобождения из тюрьмы:

«Они меня послали в тюрьму демократом, я же ее оставил республиканцем»²⁰.

Развернув широкую агитацию, Джонс не забывал вместе с тем о необходимости реорганизации чартистской партии на новой, социалистической основе и превращения ее в независимую революционную рабочую партию, которая в его выступлениях, как и прежде, именуется «Организацией» рабочего класса.

«Более чем два года назад,— писал Джонс в одном из обращений к чартистам,— я попал в тюрьму из-за произнесения трех слов. Этими словами были: «Организация, Организация и еще раз Организация». И вот теперь, спустя более чем два года, я провозглашаю снова этот драгоценный лозунг, и я сегодня снова говорю: «Организация, Организация, Организация»²¹.

Огромное значение для борьбы за создание независимой революционной рабочей партии на новой основе имело опубликование осенью 1850 г. самого «Манифеста Коммунистической партии» в «Red Republican».

Это была первая публикация «Манифеста» на английском языке, причем с указанием авторства Маркса и Энгельса. Впервые широкие круги английских рабочих получили возможность ознакомиться с великим программным документом научного коммунизма. В предисловии к «Манифесту» Гарни назвал его «выдающимся документом самой передовой партии немецких революционеров»²².

¹⁸ «Red Republican», vol. I, June 22, 1850, № 1, p. 2.

¹⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 328.

²⁰ См. G. Howell. Ernest Jones. The Chartist, Poet and Orator, Patriot and Politician. — «The Newcastle Weekly Chronicle», 1898. Эта обширная биография Джонса, написанная по личным воспоминаниям и впечатлениям современника и представляющая немалый интерес для истории чартизма, отдельной книгой не издавалась. Фотокопия ее хранится в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

²¹ «Northern Star», 26.X.1850.

²² «Red Republican», vol. I, November 9, 1850, № 21, p. 1.

Уже сам факт публикации «Манифеста» в чартистском органе является показателем того, какое огромное влияние оказывало учение Маркса и Энгельса на руководителей левого крыла чартистов, усваивавших основные принципы теории научного социализма.

Маркс и Энгельс помогали Гарни и Джонсу также и личными советами, а подчас и практическим участием в решении тех или иных вопросов. Так, в декабре 1850 г. Маркс посетил чартистское собрание, на котором Джонс прочел лекцию по истории папства. Энгельс в начале января 1851 г. присутствовал на чартистском митинге в Манчестере, где Джонс выступил с резкой критикой соглашательской политики О'Коннора и с пропагандой революционных принципов социалистической теории. «Благодаря «N[eu]e R[heinische] Z[eitung]»²³ и моему присутствию,— писал Энгельс Марксу по поводу этого митинга,— Джонс был вынужден объявить себя «red republican» * и сторонником национализации of landed property **». По словам Энгельса, Джонса на митинге «встретили с энтузиазмом»²⁴.

Наличие в среде манчестерской организации чартистов многочисленных друзей Джонса и Гарни, о чем говорилось в том же письме, побудило Энгельса начать среди них действенную и повседневную работу, воспитывая это революционное ядро в духе идей «Манифеста Коммунистической партии».

«Я постараюсь организовать с этими парнями маленький клуб или регулярные встречи и буду с ними обсуждать Манифест»,— сообщал он Марксу²⁵.

Зимой 1851 г. Джонс начал энергичную агитацию за воплощение принципов социализма в теории и практике английского чартизма, за провозглашение этих принципов в качестве сформулированной программы борьбы чартистской партии. Благодаря неутомимой деятельности Джонса и других руководителей левого крыла 31 марта 1851 г. был созван общенациональный чартистский Конвент.

* * *

Главным результатом работы Конвента было принятие программы, излагавшей основные социальные требования чартистов²⁶. Этот документ заслуживает особого внимания с точки зрения отражения в нем идеологии чартизма рассматриваемого периода.

Программа 1851 г., состоявшая из вводной части и 12 разделов, должна была, по мнению делегатов Конвента, выразить как интересы рабочего класса, так и интересы широких слоев мелкой буржуазии, показав социальное содержание чартизма. По мысли составителей программы, это должно было обеспечить чартистам поддержку со стороны широких масс народа и вызвать новый подъем общенациональной борьбы за всеобщее избирательное право в Англии.

²³ Имеется в виду журнал «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», теоретический орган коммунистов, издававшийся под редакцией Маркса и Энгельса в 1850 г.

* красным республиканцем.

** земельной собственности.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 129, 130.

²⁵ Там же. Такой клуб действительно был организован Энгельсом в начале февраля 1851 г., однако каких-либо сведений о его деятельности в переписке Маркса и Энгельса, а также в неопубликованных архивных материалах ИМЛ обнаружить не удалось.

²⁶ Опубликована 10 апреля 1851 г. в «Northern Star» и 12 апреля 1851 г. в журнале Гарни «The Friend of the People», № 10. Перевод этой программы на русский язык в приложениях к книге Г. Шлютера, а также в книге У. Слоссона содержит ряд неточностей и искажений. Поэтому все цитированные места даны автором статьи в собственном переводе с оригинала.

«Конвент придерживается того мнения,— говорилось в вводной части программы,— что политические изменения безрезультатны, если они не сопровождаются изменениями социальными, что чартистское движение в конце концов потерпит неудачу, если оно не будет знакомо с наукой об обществе. Мы должны заручиться поддержкой не только политических деятелей, но также и людей практики; мы не сможем добиться поддержки рабочих, ремесленников, арендаторов и мелких лавочников, если не покажем им, что мы практические реформаторы, что политическая власть может быть надежно доверена чартистам. Мы знаем жалобы всех страждущих и знаем, как их удовлетворить. Хартия принесет им положительную, непосредственную и долговременную выгоду, немедленно увеличит их благосостояние и источники существования»²⁷.

Первым и одним из наиболее важных разделов, излагающих необходимые социальные преобразования, был раздел о земле. В нем выдвигалось главное требование — национализация земли. Это должно было быть достигнуто созданием министерства сельского хозяйства, безвозмездной конфискацией общинных, церковных, приходских и коронных земель в пользу государства, а также путем постепенного приобретения государством остальных земель посредством выкупа до тех пор, пока вся земля не станет национальной собственностью. Таким образом, земли крупных лендлордов подлежали, согласно программе, не немедленной национализации, а лишь постепенному их приобретению государством по сходной рыночной цене. Однако эта предложенная чартистами в программе система выкупа земли отнюдь не противоречила общему революционному духу их требований. Маркс и Энгельс, как известно, считали выкуп земли при известных условиях вполне оправданной и даже выгодной для пролетарского государства мерой²⁸. Был принят также пункт, запрещающий вновь отчуждать землю, приобретенную государством. Этот пункт имел особо важное значение, так как исключал возможность восстановления принципа частной собственности на землю после установления в стране народной власти. В этом состоял его революционный смысл.

«Национализация земли,— писал Джонс,— означает, что 1) ни один человек не имеет права частной собственности на землю, 2) государство должно быть единственным лендлордом, 3) ни один человек не получит права завещать, покупать, продавать или передавать по наследству хотя бы один акр земли...»²⁹

В четвертом пункте раздела, предусматривающем предоставление государству права сдавать землю в аренду не только отдельным лицам, но и товариществам, наиболее отчетливо ощущается социалистический дух чартистских требований о земле, так как создание таких земельных товариществ с применением передовой сельскохозяйственной техники должно было постепенно привести к обобществлению всего сельскохозяйственного производства.

В 1852 г. Джонс, конкретизируя этот пункт программы, писал о необходимости «иметь большие земельные участки с достаточным количеством на них рабочих рук и достаточным капиталом, чтобы применять этот труд с наибольшим успехом». При этом он указывал там же: «Правительство должно сдавать в аренду 1000 акров (мы говорим 1000 акров просто для иллюстрации) не одному человеку, а сотне людей, и маленький капитал, который был бы затрачен попусту при индивидуальной системе, полностью пойдет на пользу развития природных ресурсов этой земли при коллективной системе.

²⁷ «The Friend of the People», April 12, 1851, № 10, p. 3, col. 2.

²⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II. М., 1955, стр. 419.

²⁹ «People's Paper», December 25, 1852, № 34, p. 4, col. 2—3.

Паролем нашего будущего является национализация земли и ее обработка, доверенная коллективному труду»³⁰.

Таким образом, выдвинув требование национализации земли, требование, которое при всяком буржуазно-демократическом перевороте в своем чистом виде является, по словам В. И. Ленина, «последовательным лозунгом буржуазии»³¹, чартистский Конвент предусматривал осуществление этого лозунга на практике в такой форме, которая в дальнейшем послужила бы основой для перестройки сельского хозяйства на социалистический лад.

«Национализация земли,— указывал В. И. Ленин,— есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму»³².

Другим важным разделом программы, еще более ярко отражавшим ее социалистический характер, был раздел о труде.

«Для освобождения труда из его угнетенного положения,— говорилось в программе,— в качестве средства для уничтожения рабства заработной платы и содействия развитию кооперативного принципа предлагаются следующие меры:

1) все кооперативные объединения, созданные для промышленных целей, получают право регистрации и приема новых членов без уплаты каких-либо взносов и могут иметь неограниченное число филиалов;

2) устранение всякого рода препятствий для создания кооперативных объединений;

3) кооперативный принцип объявляется основой для благосостояния народа; централизации богатства должна быть противопоставлена тенденция к его распределению; сосредоточение богатства в руках изолированных товариществ представляет собой не меньшее зло, чем монополия отдельных лиц. Поэтому все будущие мероприятия в деле кооперирования должны осуществляться в общенациональном масштабе и все отдельные товарищества должны быть связаны в общенациональный союз, являясь или местными объединениями или его филиалами. Прибыли каждого товарищества, если они превышают установленную норму, должны вноситься в общий фонд с целью создания новых ассоциаций рабочих, благодаря чему будет ускоро процесс обобществления и освобождения труда;

4) государством должен быть открыт кредитный фонд с целью выдачи на определенных условиях денежных средств тем рабочим, которые намерены организовать товарищества для промышленных целей»³³.

Мы видим, таким образом, что принцип кооперирования производства в национальном масштабе служит краеугольным камнем всего раздела чартистской программы о труде. Положение о создании общественного фонда, который должен состояться из вычетов определенной части прибыли каждого отдельного предприятия, свидетельствует о том, что передовые чартистские деятели благодаря своей близости к Марксу и Энгельсу правильно предугадывали решение некоторых важных вопросов экономики социализма в будущем. Ведь именно за упущение этого существенного момента, за провозглашение лассалевской формулы о «неурезанном доходе труда» Маркс позднее критиковал германских социал-демократов в своих замечаниях на их Готскую программу 1875 г.³⁴

Особое значение в разделе о труде имел 4-й пункт — о создании государственного кредитного фонда, что означало национализацию кредита. Недаром Р. Гаммедж в своей книге «История чартистского движения» утверждает, что, «провозглашая принцип социального права, Конвент допустил большую социальную ошибку принятием пункта об учреждении

³⁰ «People's Paper», June 1852, № 6, p. 4, col. 3.

³¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 289.

³² В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 395.

³³ См. «Friend of the People», April 12, 1851, № 10, p. 3, col. 3.

³⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 275—276.

государственного кредитного фонда. Пункт этот прошел только благодаря коммунистическому элементу, имевшему большую силу как в Исполнительном комитете, так и в Конвенте»³⁵.

По нашему мнению, этот пункт представлял одно из главных достоинств чартистской программы. Именно в результате принятия этого пункта все проекты о создании и упрочении кооперативной системы производства не были пустой фразой, а обретали реальную почву.

«Как национализация земли обеспечивает свободный доступ к средствам сельскохозяйственного производства, — писал позднее Джонс, — так и национализация кредита означает свободный доступ ко всем другим промышленным занятиям. При системе национального кредита денежные средства ежегодно будут использоваться так, чтобы дать возможность рабочим организовать производство в промышленности и других отраслях хозяйства на свой собственный счет»³⁶.

В разделе о налогообложении говорилось, что «обложение налогами промышленности сокращает производство, обложение предметов роскоши побуждает правительство поощрять всякого рода излишества, налогообложение необходимых средств потребления наносит ущерб здоровью и благосостоянию народа. Все налоговое обложение поэтому должно ложиться на землю и накопленную собственность»³⁷.

Несмотря на слабое теоретическое обоснование предлагаемой меры, этот пункт тем не менее был выдержан в том же пролетарски революционном духе, что и пункты разделов о земле, о труде, и был с ними тесно связан. По существу он был дополнением к основным разделам и рассматривался как средство, которое должно было ускорить процесс национализации всей земли и обобществления труда в области промышленности.

Конвентом был принят также пункт о ликвидации народным правительством национального долга.

«Национальный долг, возникший в результате действий классового правительства во имя классовых интересов, не может считаться долгом, за который отвечает народ. Более того, нелепо, чтобы будущие поколения несли на вечные времена ответственность за безумие и ошибки своих предков. Поэтому национальный долг должен погашаться за счет процентов, теперь ежегодно уплачиваемых, и платежи процентов немедленно засчитываются в счет уплаты самого занятого капитала»³⁸.

Ограниченность и компромиссный характер указанной меры очевидны. Чартисты еще не ставили вопрос об аннулировании основной суммы долга, а предлагали всего лишь ликвидацию выплаты процентов по этой сумме. Преобладающая масса ценных бумаг в то время была сосредоточена в руках денежных магнатов, а поэтому, сохраняя в силе выплату основной суммы национального долга по этим ценным бумагам, народное правительство в будущем вынуждено было бы взять на себя огромные непроизводительные расходы, что, в свою очередь, не могло бы не отразиться на общем состоянии народного хозяйства. Однако нельзя при этом не учитывать, что, выдвигая требование о ликвидации национального долга, чартисты руководствовались также и тактическими соображениями, как об этом свидетельствует вводная часть программы. Ориентируясь на возрождение общенародного движения за Хартию, они стремились в своей программе учесть и интересы широких слоев мелкой буржуазии, среди которой также было немало держателей ценных бумаг. Нежелание настроить такого рода держателей против чартистского движения, безусловно, отразилось на формулировке пункта о ликвидации национального долга.

³⁵ R. G. G a m m a g e. History of the Chartist Movement 1837—1854. London, 1894, p. 372.

³⁶ «People's Paper», January 1, 1853, № 35, p. 1, col. 1.

³⁷ «The Friend of the People», April 12, 1851, № 10, p. 3, col. 2.

³⁸ Ibidem.

В программе, помимо уже отмеченных разделов, выдвигались требования полного отделения церкви от государства, национализации всех церковных имуществ, отмены десятины и церковных сборов. Конвент провозгласил право всех граждан на бесплатное образование, которое предусматривалось как обязательное на низших ступенях. В разделе о социальном обеспечении указывалось, что все расходы и заботу о нетрудоспособных гражданах берет на себя государство.

В разделе об армии говорилось, что постоянная армия противоречит демократическому принципу и представляет опасность для свободы народа. Однако Конвент признавал, что армия может быть упразднена только после соответствующих реформ в стране и в колониях. В программе намечался ряд реформ для демократизации армии и флота. Особым пунктом о пражданской милиции указывалось на право каждого носить оружие и заниматься военным делом.

Таково в основных чертах содержание программы социальных прав, принятой чартистским Конвентом в апреле 1851 г.

Мы далеки от того, чтобы идеализировать эту программу, которая содержала и существенные недостатки. Достаточно указать хотя бы на тот факт, что в программе не дано теоретического обоснования неизбежности гибели капиталистического строя и смены его строем социалистическим, как это было сделано Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии». Чартисты еще не сумели до конца, с научных позиций осознать историческую роль и место пролетариата в общей борьбе классов.

Программа свидетельствует о том, что у авторов ее еще не сложилось ясного и четкого понимания классовых интересов пролетариата. Такие передовые лидеры чартизма, как Гарни и Джонс, ставившие своей целью возродить чартистское движение под лозунгом общенародной борьбы, не смогли еще полностью усвоить и обобщить опыт многолетней борьбы за Хартию, доказавшей ту непреложную истину, что мелкая буржуазия является временным попутчиком пролетариата в революционной борьбе, что она всегда способна перейти в противоположный лагерь, когда ставятся под вопрос самые основы капиталистического строя.

Рассматривая программу в целом, нетрудно убедиться в том, что конечной целью, намеченной в ней чартистами, было построение социалистического общества. Но это был путь мирного, постепенного перехода от капитализма к социализму, не предусматривавший применение какого-либо революционного насилия по отношению к господствующим классам в переходный период.

Обосновывая необходимость мирного пути построения социализма в Англии стремлением избежать якобы происходящего в результате революционного взрыва разрушения производительных сил страны, Джонс писал: «Чтобы совершить переход из одной социальной системы в другую, необходимо время и, если вы разрушите одну систему до того, как вы подготовите все необходимое для другой,— что вы тогда будете делать в указанный промежуток времени?»

Мы хотим избежать этого в своей стране. Когда мы получим в свои руки политическую власть (а это случится в недалеком будущем), мы должны будем ее использовать как благоразумные люди по-деловому. Вот почему мы приходим к выводу, что путь к счастью людей и справедливой социальной системе — это не мгновенное уничтожение одной системы и построение другой совершенно новой. Следует начать (когда политическая власть дана вам как средство) постепенно устанавливать справедливую систему,— не уничтожение, а подрыв, не разрушение, а вытеснение одной системы другой»³⁹.

Как же конкретно должен был в представлении Джонса идти этот процесс «вытеснения» одной системы другой?

³⁹ «People's Paper», December 25, 1852, № 34, p. 1, col. 1—2.

«Общественная фабрика, — писал Джонс, — будет конкурировать с фабрикой монополиста и конкурировать успешно, так как национальный капитал будет постоянно оживляться благодаря системе коллективного труда, а защита правительства обеспечит ему безопасность от посягательств фабричного лорда. Фабрика, организованная на коллективных началах, будучи свободной от уплаты какой-либо доли заработной платы своих рабочих (кроме незначительной суммы, которую она уплачивает государству за использование самой фабрики и машин), окажется способной продавать свою продукцию дешевле, чем капиталист. Поскольку труд одновременно с этим станет дороже, так как число безработных уменьшится, капиталист будет поставлен перед необходимостью покупать труд дороже и продавать продукты труда дешевле. Это быстро приведет его к разорению. Один за другим фабриканты будут разоряться. Но торговля и коммерческая деятельность не придут к упадку, промышленность не будет парализована, рынок от этого не станет меньше снабжаться товарами. Английская предприимчивость от этого не пострадает, потому что она будет направлена на передачу промышленности из рук немногих монополистов в руки многих организованных по принципу коллективизма людей. Так постепенно, но полностью произойдет реконструкция нашей социальной системы»⁴⁰.

Сама мысль авторов программы о необходимости переходного периода от капитализма к социализму была правильной; но, по мнению их, этот переход должен был представлять собой такой социальный порядок, при котором происходило бы открытое мирное соревнование двух систем — системы кооперативных объединений рабочих, находящейся под покровительством и получающей прямую поддержку народной власти, и системы частнокапиталистических предприятий — в расчете на неизбежную победу первых и постепенное разорение и гибель вторых. Революционная же роль пролетарского государства в программе совершенно обойдена. Из вышеприведенных высказываний Джонса следует, что государство должно играть не роль орудия в борьбе за построение нового общества, а роль простого регулятора отношений между различными классами общества. Этот факт свидетельствует о том, что чартисты еще не поняли той исключительной роли, которую Маркс и Энгельс предназначали пролетарскому государству в переходный период от капитализма к социализму.

Намечая ряд мероприятий по перестройке народного хозяйства на социалистических началах, чартисты не заявляли открыто в своей программе о национализации крупной промышленности. Таким образом, они еще не осознали той непреложной истины, что высшей формой социалистической собственности является собственность государственная, а их представления о конкретных формах организации производства на общественных предприятиях оставались еще весьма туманными и носили на себе известный отпечаток оуэнизма.

Путь мирного, постепенного «вытеснения одной системы другой», при котором не должно иметь места применение революционного насилия по отношению к представителям класса капиталистов, являлся, по убеждению Джонса и других левых чартистов, единственно возможным для Англии. В этом также сказалась известная ограниченность теоретической мысли даже передовых лидеров чартизма по сравнению со взглядами Маркса и Энгельса.

«Демократия⁴¹, — подчеркивал Энгельс, — была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата»⁴². В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс

⁴⁰ «People's Paper», July 3, 1852, № 9, p. 1, col. 1—2.

⁴¹ Энгельс употребляет термин «демократия» по отношению к Англии в смысле политического господства пролетариата.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 332.

указывали, что после завоевания политической власти пролетариат не сможет подорвать материальные устои буржуазии, т. е. стать и в экономическом отношении господствующим классом, иначе как «при помощи despoticного вмешательства в право собственности и в буржуазные производственные отношения, т. е. при помощи мероприятий, которые экономически кажутся недостаточными и несостоятельными, но которые в ходе движения перерастают самих себя* и неизбежны как средство для переворота во всем способе производства»⁴³. Авторы «Манифеста Коммунистической партии» указывали, что «политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого»⁴⁴. Это принципиальное положение марксизма не нашло отражения в чартистской программе.

Маркс и Энгельс, как известно, учитывая специфику экономического и политического положения Англии, допускали возможность завоевания политической власти пролетариатом в этой стране мирными средствами. Однако Маркс и Энгельс отнюдь не считали, что развитие социальной революции в Англии обязательно должно совершаться мирным путем. Незадолго до принятия чартистской программы, в Третьем международном обзоре за 1850 г. Маркс и Энгельс указывали:

«Настоящее революционное движение может начаться в Англии лишь тогда, когда будет проведена хартия, подобно тому как во Франции июньская битва стала возможна лишь после того, как была завоевана республика»⁴⁵.

Недостаточная революционная последовательность программы проявилась также и в ряде других важнейших вопросов. Так, например, в противоположность «Манифесту Коммунистической партии» в программе не выдвигается требование национализации банков (в частности, Английского банка — этой цитадели английской буржуазии и английского буржуазного государства) и создания единого государственного банка с «правом исключительной монополии». Требование национализации кредита так, как оно сформулировано в программе, в значительной мере было отвлеченным по смыслу и половичатым по своему практическому назначению. Ничего не сказано в программе и о национализации транспорта, которая должна была явиться, по мнению Маркса и Энгельса, одним из необходимых условий победы социализма.

Тем не менее, рассматривая программу в целом, нельзя не отметить того огромного шага вперед, который сделал Конвент 1851 г. по сравнению со всем предшествующим периодом развития теоретической мысли чартистской партии.

Как мы уже видели, принцип кооперации по глубокому убеждению Джонса должен был стать основным оружием в руках народной власти в борьбе за построение новой социальной системы. Но чартистская программа 1851 г., намечавшая путь постепенного перехода к социализму через посредство кооперирования производства в области промышленности и сельского хозяйства, не может быть отождествлена с программой кооперативистов оуэловского типа того времени. Последние не признавали каких-либо форм политической борьбы за власть и мыслили перейти к социализму без классовой борьбы, создавая кооперативные объединения рабочих в рамках капитализма.

«В рядах чартистов и нечартистов из среды рабочего класса, — писал Джонс, — много еще таких, которые надеются на спасительные результаты создания кооперативных обществ при существующем строе. Мы же говорим, что это невозможно, что, пока не свергнут существующий строй и

* В английском издании 1888 г. после слов «перерастают самих себя» добавлено: «делают необходимыми дальнейшие атаки на старый общественный строй».

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 446.

⁴⁴ Там же, стр. 447.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 473.

народ не завоевал политической власти, кооперативное движение обречено на провал»⁴⁶.

При этом Джонс особенно подчеркивал, что само завоевание политической власти пролетариатом может осуществиться лишь в форме непримиримой классовой борьбы: «Капиталисты всех родов были и будут нашими врагами, будут вести войну против нас всеми возможными средствами. Вот почему они должны быть ниспровергнуты. Вот почему класс должен стоять против класса, т. е. все угнетенные на одной стороне и все угнетатели — на другой. *Слияние классов невозможно так же, как невозможно и объединение их интересов.* Класс против класса! — все другие способы борьбы — чистейшая иллюзия»⁴⁷.

В. И. Ленин, подчеркивая, что «фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна», состоит в том, что «они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе... о свержении господства класса эксплуататоров», указывал: «Без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен»⁴⁸.

Подходя к оценке чартистской программы с точки зрения этого ленинского положения, мы не можем не признать, что передовые чартистские идеологи в начале 50-х годов сделали серьезный шаг вперед в понимании некоторых важнейших вопросов теории научного социализма.

Уже само завоевание всеобщего избирательного права, завоевание Хартии, положенное в основу всей программы, должно было явиться, по словам Маркса, «завоеванием, в котором было бы гораздо больше социалистического духа, нежели в любом мероприятии, которому на континенте присваивается это почетное имя»⁴⁹.

Отмечая диаметрально противоположный характер, который приняло в Англии и Франции требование всеобщего избирательного права, Маркс писал об этом: «Здесь (в Англии.— В. Г.) это требование образует демаркационную линию между аристократией и буржуазией, с одной стороны, и народными массами — с другой. Там оно имеет значение политического, здесь — социального вопроса... Оно является хартией народных классов и означает освоение ими политической власти для осуществления своих социальных потребностей. Всеобщее избирательное право, понятие в 1848 г. во Франции как лозунг всеобщего братства, в Англии воспринимается как военный пароль. Там ближайшим содержанием революции было всеобщее избирательное право, здесь ближайшим содержанием последнего является революция»⁵⁰.

Нет сомнения в том, что в программе 1851 г. нашли свое отражение некоторые идеи «Манифеста Коммунистической партии», оказывавшие свое влияние на передовых представителей чартизма этих лет (Дж. Гарни. Э. Джонс, Дж. Финлен, Дж. Блай и др.). Например, в «Принципах коммунизма» Энгельс указывал на то, что частную собственность нельзя уничтожить сразу так же, как «нельзя сразу увеличить имеющиеся производительные силы в таких пределах, какие необходимы для создания общественного хозяйства»⁵¹. Поэтому процесс уничтожения частной собственности может идти лишь постепенно до тех пор, пока не будет создана необходимая масса средств производства. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали:

«Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного

⁴⁶ «People's Paper», June 19, 1852, № 7, p. 1, col. 1.

⁴⁷ См. «Notes to the People», vol. I, 1851, p. 342.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 433—434.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 11.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 440—441.

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 332.

как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»⁵².

Эти идеи в той или иной мере наличествуют в чартистской программе. Если сопоставить ее с «Требованиями Коммунистической партии в Германии»⁵³, то в этих двух документах мы также можем увидеть ряд общих, перекликающихся друг с другом положений.

Безусловно, программу чартистов нельзя отождествлять с «Требованиями Коммунистической партии в Германии», составленными Марксом и Энгельсом применительно к особенностям одной страны, к условиям германской революции 1848—1849 гг. Но в то же время чартистская программа буквально повторяла многие из требований, включенных в этот документ, а именно те из них, которые в «Манифесте Коммунистической партии» были определены как общие для наиболее развитых и передовых стран⁵⁴. Не случайно поэтому, что вскоре после опубликования программы, 26 мая 1851 г., член Союза коммунистов Р. Даниэльс писал Марксу: «Я уже обнаружил в программе чартистского Конвента то 10 апреля твое влияние»⁵⁵.

Историческое значение программы состояло в том, что с принятием ее чартизм как политическое течение приобрел социалистическое содержание. Программа с наибольшей полнотой вскрыла классово революционный смысл многолетней борьбы английского пролетариата за Хартию, являвшейся в 40-х годах еще в значительной мере отвлеченной и недостаточно осознанной самими чартистами.

«Чартизм вступает в новую жизнь, он заново родился,— писал «The Friend of the People» по поводу программы.— Чартизм 1851 г. совсем не то, чем он был в 1839 или 1847 г. Отныне он представляет собой новое сознание, вступающее в новую и высшую форму организации, и призван взять на себя еще более великую миссию, чем в 1839 и 1848 гг. Отныне чартизм означает демократию и социализм»⁵⁶.

* * *

Важным положительным результатом принятия программы чартистским Конвентом было то, что она окончательно размежевала передовые революционные элементы чартистской партии, с одной стороны, и сторонников соглашательской политики О'Коннора, Кларка, Холиока — с другой. После принятия программы наметился раскол и внутри самого левого крыла. Раскол был вызван тем, что Гарни и Джонс по-разному понимали практическое назначение программы.

Если Джонс воспринял основные принципы программы как политическую платформу, на базе которой необходимо вести неутомимую политическую пропаганду среди рабочих, то Гарни расценивал ее как средство для немедленной организации революции, т. е. подходил к ней с позиции шпайпер-виллиховской фракции Союза коммунистов и с позиции мелкобуржуазных демократов того времени. Если Джонс, испытывая на себе огромное влияние Маркса и Энгельса, по существу выражал их взгляды на чартизм и его задачи в тот период, то Гарни, начиная с весны 1851 г., резко с ними разошелся.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 446.

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 5, стр. 1—3.

⁵⁴ Таковыми являются требования национализации земли, внесения арендной платы в пользу государства, национализации кредита, отделения церкви от государства, обложения налогами земли и капитала, отмены налогов на предметы потребления, социального обеспечения нетрудоспособных, всеобщего бесплатного народного образования, создания гражданской милиции. Маркс и Энгельс рассматривали эти требования как экономическую основу для перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

⁵⁵ Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 5, док. 5696. При этом Даниэльс писал Марксу, что он приложит все возможные усилия для пропаганды в Германии принципов чартистской программы.

⁵⁶ «The Friend of the People», April 19. 1851, № 18, p. 1.

В связи с этим заслуживает внимания так называемый «Банкет равных»⁵⁷, устроенный по случаю годовщины февральской революции во Франции мелкобуржуазной эмиграцией и бланкистами совместно с фракцией Виллиха — Шаппера 24 февраля 1851 г. в Лондоне. В этом банкете активное участие принял и Гарни с частью чартистов. Доверие Маркса и Энгельса к Гарни было заметно поколеблено уже после того, как 11 февраля 1851 г. он принял не менее деятельное участие в митинге, устроенном в Лондоне мелкобуржуазными элементами в память польского генерала Бема. После этого Энгельс отказался от своего намерения написать несколько статей для журнала Гарни. В истории же с «Банкетом равных» мелкобуржуазный уклон Гарни проявился вполне наглядно и недвусмысленно.

«В таких случаях, как празднование 24 февраля,— писал Гарни по поводу банкета,— долг английской демократии отнестись с почтением и вниманием к этому празднованию безотносительно к тому, какие люди могут быть представлены на нем. Долг британской демократии использовать всякий удобный случай для того, чтобы выразить свое восхищение героями и мучениками европейской революции... свою приверженность принципам революции и свою решимость бороться за окончательный триумф рабства посредством завоевания всеобщего избирательного права, республики и посредством уничтожения классов»⁵⁸. Отсюда видно, что у Гарни отсутствовало даже какое-либо подобие партийного подхода к тем «героям и мученикам европейской революции», которых год спустя Маркс в своей работе «Великие мужи эмиграции» разоблачил как ренегатов революции.

«Он глубже увяз в демократическом болоте, нежели это желает показать,— писал о нем в это время Маркс.— У него двойной spirit*,— один, который ему дал Фридрих Энгельс, и другой — его собственный. Первый — это своего рода смиренная рубашка для него. Последний — это он сам *in puris naturalibus***»⁵⁹.

Хотя Гарни мыслил завоевание Хартии только революционным путем, он никогда не задумывался о реальных возможностях революции и путях ее развития. Он явно недооценивал роль самостоятельной рабочей партии как ведущей и направляющей силы в пролетарской революции. Политическим идеалом Гарни, с точки зрения тактики и методов революционной борьбы, были герои французской буржуазной революции XVIII в. Робеспьер и Марат. Гарни признавал робеспьеровские методы борьбы и тогда, когда условия требовали иной революционной тактики, учитывающей совокупность всех объективных факторов изменившейся исторической обстановки. Революционную тактику якобинцев он считал применимой в политической и социальной борьбе пролетариата против буржуазии на всех этапах ее развития. В этом состояла его главная политическая ошибка. Именно это и послужило причиной братания его с «архиреволюционерами» из фракции Виллиха — Шаппера после раскола Союза коммунистов и мелкобуржуазными демократами типа Луи Блана, Ледрю-Роллена.

Год спустя Гарни отказался от какой бы то ни было борьбы за Хартию и публично осудил чартизм как политическое течение в рабочем движении. В одном из своих писем Клуусу Маркс в это время писал о Гарни: «Г-н Гарни быстро катится по наклонной плоскости. В одной из статей своей газеты⁶⁰ за подписью «Спартак» он допускает нападки на чартизм.

⁵⁷ Подробное описание этого банкета имеется в работе К. Маркса «Великие мужи эмиграции». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 316—320.

⁵⁸ «The Friend of the People», March 8, 1851, № 13, p. 98, col. 1—2.

* дух.

** в натуральном виде.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 156.

⁶⁰ Речь идет о газете «The Northern Star», которая в начале 1852 г. оказалась целиком в руках буржуазных радикалов Флеминга, Мак-Гоузана и др., но весной 1852 г. была куплена Гарни за 100 ф. ст. и переименована в «The Star of Freedom». В ноябре 1852 г. она прекратила свое существование.

так как это якобы только классовое движение и его место должно занять общее национальное движение. Чисто мадзиниевская фраза»⁶¹.

Прямую противоположность Гарни в вопросах тактики политической борьбы чартистов в этот период представлял собою Джонс. Благодаря влиянию Маркса и Энгельса и тесному общению с ними Джонс лучше, чем кто бы то ни было из тогдашних чартистских деятелей, понимал реальные условия и перспективы революционной борьбы пролетариата, правильно понимал и ту тактику, которой должны были придерживаться чартисты в борьбе за провозглашенную Конвентом программу. После разрыва Маркса и Энгельса с Гарни в отношениях Джонса с ним также наступило заметное отчуждение, которое вскоре привело к полному разрыву. Джонс отказался от намерения издавать совместно с Гарни печатный орган чартистов и в мае 1851 г. основал собственный журнал «Notes to the People», который издавался им до мая 1852 г. как теоретический орган чартистской партии с целью повседневной просветительной работы среди широких масс трудящихся и прежде всего — среди рабочего класса Англии. Само это политическое просвещение мыслилось Джонсом в форме пропаганды идей научного социализма, для чего, как отмечал сам Джонс, им и было предпринято издание нового журнала⁶².

Сознавая большую революционную роль, которую должен был сыграть новый чартистский орган в английском рабочем движении, Маркс и Энгельс придавали большое значение начинанию Джонса, а потому оказывали ему в этом всемерную помощь. В «Notes to the People» печатались статьи Маркса, Энгельса, Эккариуса, Пипера, Фрейлиграта и других коммунистов. Опубликованная в журнале серия статей о кооперации была написана при непосредственном участии Маркса⁶³.

Когда в конце 1851 г. И. Вейдемейер по поручению Маркса начал подготовку к изданию в Америке печатного органа немецких коммунистов-эмигрантов, Маркс писал ему: «Я буду посылать тебе отсюда «Notes to the People» [«Письма к народу»] нашего друга Эрнеста Джонса, наиболее влиятельного вождя английской партии. Они будут для тебя настоящим кладом, так как помогут заполнить пробелы твоей газеты»⁶⁴.

Эта высокая оценка Марксом нового чартистского органа и его главного редактора Джонса имела свои основания. Благодаря сотрудничеству Маркса, Энгельса и других коммунистов журнал Джонса стал боевым революционным органом английских пролетариев, последовательно и с научных позиций отстаивавшим их классовые интересы. Политические вопросы и вопросы социального освобождения, как это было намечено в программе чартистского Конвента, освещались в журнале с позиций непримиримой классовой борьбы пролетариата. И не случайно поэтому Энгельс вскоре после выхода в свет «Notes to the People» сообщал в одном из писем Дронке в Женеву: «Джонс, который вообще совсем другой человек, чем Гарни, — целиком на нашей стороне и в настоящее время пропагандирует среди англичан Манифест»⁶⁵.

Понимание самим Джонсом классовой борьбы в Англии, исторически сложившихся социальных отношений между различными классами в этой стране во многом совпадало со взглядами Маркса и Энгельса. Предельно сжатое, но достаточно отчетливое изложение взглядов Джонса по этому вопросу мы находим в его письме к Вейдемейеру от 3 марта 1852 г.⁶⁶

⁶¹ Архив ИМЛ, ф. Вейдемейера, док. 2427.

⁶² «The Friend of the People», May 24, 1851, № 24, p. 212.

⁶³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 207.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 118.

⁶⁵ Там же, стр. 103.

⁶⁶ Этот малоизвестный документ представляет большую ценность для объективной оценки Джонса как вождя чартистов в данный период. Письмо было написано Джонсом в форме ответа Карлу Гейнцену в связи с появлением в «New York Democrat» 29 января 1852 г. статьи Вейдемейера, в которой тот опровергал доводы Гейнца, пытавшегося незадолго перед этим противопоставить политические взгляды

«В этой борьбе,— писал Джонс,— участвуют три различных общественных класса: аристократия, делящаяся на вигов и тори, денежный класс, представителями которого являются Кобден, Брайт, Уолмсли и разные другие лидеры, и рабочий класс, активные и организованные силы которого заключены, главным образом, в рамки чартистского движения.

Со времени упадка феодальной аристократии и введения мануфактуры, со времени восшествия на престол династии Тюдоров началось могущество среднего, или денежного, класса и появился антагонизм, но в последующие столетия знаменосцами оппозиции денежных людей были виги или так называемая либеральная аристократия. Это продолжалось вплоть до последнего времени. Но когда власть денежных людей достаточно окрепла, они выставили требования, несовместимые с благосостоянием земельной аристократии и, следовательно, выступили на сцену в качестве крайней партии, составляя парламентскую оппозицию не только при правлении тори, но точно также и при правлении вигов. Последнее, что их связывало — это волнения, вызванные движением за свободную торговлю, когда аристократия, сторонница вигов, спасла себя тем, что вырвала руководство торговым движением из рук торгового класса. Последний заметил свою ошибку и теперь старается исправить ее, добиваясь политического господства, которое в то время он не сумел обеспечить за собой. Для того чтобы достигнуть этого, они добиваются поддержки рабочего класса. Но рабочий класс еще не понял того, что его интересы в одинаковой степени находятся в противоречии и с теми и с другими борющимися силами.

Об этом свидетельствует та позиция, которую они занимают, хотя и являясь фритредерами, в борьбе против «Anticornlaw League». Об этом свидетельствует их сопротивление, которое они оказывают мелкобуржуазным реформистам, стремящимся вырвать руководство рабочим движением из рук рабочих тем же путем, каким виги вырвали руководство торговым движением из рук торгового класса; свидетельствуют поправки, которые вносились и принимались на собраниях мелкобуржуазных реформистов по всей стране рабочими, составлявшими основную массу всех организаций рабочего класса; свидетельствуют тред-юнионы своей замечательной и внушающей страх борьбой, свидетельствует кооперативное движение, возникшее и сформировавшееся как классовое движение рабочего населения против класса нанимателей.

То, что человек, хотя бы немного знакомый с английскими делами, может игнорировать борьбу классов, является для меня чем-то удивительным; если бы кто-нибудь сказал нечто подобное в Англии, его бы высмеяли во всех слоях общества. И действительно, противоречия между различными классами, вместо того чтобы сглаживаться, с каждым днем становятся все более резкими; рабочий класс не «вливается сотнями» в средний класс, а наоборот, избыток рабочей силы в стране ежедневно возрастает — с каждым годом конкуренция концентрирует капитал во все меньшем числе рук, — количество арендаторов, фермеров, мелких торговцев и лавочников уменьшается. Но в то время как богатство имущего класса увеличивается, численность его сокращается, и тем самым быстрыми темпами приближается окончательная развязка.

Мой политический и личный друг д-р Маркс со своей собственной точки зрения сможет, вероятно, подтвердить правильность этого»⁶⁷.

Такова была концепция Джонса по вопросу о классовой борьбе и становке классовых сил в Англии. Эта концепция ярко отображает уровень развития теоретической мысли вождя чартистской партии и яв

Джонса взглядам Маркса и Энгельса. Джонс показал свое письмо Марксу, который переслал его в Нью-Йорк Вейдемейеру. Маркс советовал Вейдемейеру напечатать письмо Джонса в первом же номере нового печатного органа коммунистов-эмигрантов журнале «Die Revolution». Однако это письмо в «Die Revolution» опубликовано не было, так как после выхода двух первых номеров в феврале 1852 г. издание журнала прекратилось из-за финансовых затруднений.

⁶⁷ Архив ИМЛ, ф. Вейдемейера, док. 5422.

ляется наглядным доказательством того, что Джонс правильно понял и твердо усвоил важнейшие положения учения Маркса и Энгельса о классовой борьбе пролетариата в его применении к условиям английской общественной жизни.

«Джонс стоит на вполне правильном пути,— писал Энгельс Марксу 18 марта 1852 г.,— и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу и не узнал бы, каким образом можно, с одной стороны, не только сохранить инстинктивную ненависть рабочих против промышленных буржуа — этот единственно возможный базис для реконструкции чартистской партии,— но даже усилить ее, развить и положить в основу просветительной пропаганды, и в то же время, с другой стороны, быть прогрессивным, выступать против реакционных возжелений рабочих и их предрассудков»⁶⁸.

* * *

Далеко не исчерпывающий анализ некоторых вопросов развития чартистской идеологии после 1848 г. приводит к выводу, что в этом отношении 50-е годы XIX в. знаменуют собою новый, более высокий в идейном отношении этап общей истории чартизма. Основным положительным фактором чартистской программы политического и социального освобождения рабочего класса в этот период (до 1856 г.) было то, что в ней нашли отражение многие идеи научного социализма, идеи «Манифеста Коммунистической партии». Передовым и наиболее одаренным борцом за воплощение этих идей в теорию и практику революционной борьбы английского пролетариата был Э. Джонс.

В мае 1852 г. Джонс основал новый чартистский орган — *People's Paper*, который издавался до 1858 г. В этой газете с октября 1852 г. по декабрь 1856 г. сотрудничали Маркс и Энгельс, оказывавшие Джонсу помощь и в ее редактировании. Помимо статей, написанных Марксом и Энгельсом для самой «*People's Paper*», в газете перепечатывались их важнейшие статьи из «*New York Daily Tribune*».

Прекращение сотрудничества Маркса и Энгельса в «*People's Paper*» в конце 1856 г. было вызвано тем, что Джонс, разочаровавшись в успехе чартистской агитации, несмотря на неоднократные предостережения Маркса, пошел на сближение с буржуазно-радикальными элементами, а в 1858 г. заключил с ними открытый союз на основе компромиссной программы. Это привело к временному разрыву с ним Маркса и Энгельса. Однако грехопадение Джонса отнюдь нельзя расценивать как осознанный, раз и навсегда решенный переход на буржуазные позиции — оно скорее явилось свидетельством его колебаний, в силу его недостаточной политической зрелости. Энгельс в 1869 г. по поводу смерти Джонса писал о нем Марксу:

«Поистине жаль этого парня. Ведь его буржуазные фразы были лишь лицемерием, а здесь в Манчестере нет ни одного человека, который мог бы заменить его у рабочих... к тому же он был среди политиков единственным образованным англичанином, стоявшим *au fond* * вполне на нашей стороне»⁶⁹.

Тот факт, что газета Джонса в июне 1858 г. попала в руки буржуазных дельцов, ни в коей мере не может умалить ту большую революционную роль, которую она сыграла в предшествующие годы.

В период с 1852 по 1856 г. газета последовательно защищала интересы рабочего класса и пропагандировала идеи социализма.

По справедливому замечанию Г. Шлютера, «английский рабочий класс никогда еще не имел в своем распоряжении такого превосходного органа для защиты его интересов, каким была «*Народная газета*» Джонса»⁷⁰.

⁶⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 342.

* по существу.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 160.

⁷⁰ Г. Шлютер. Чартистское движение. М., 1925, стр. 245.

Однако, несмотря на неутомимую революционную агитацию Джонса и повседневную поддержку, оказываемую ему Марксом и Энгельсом, чартистское движение в этот период возродить в масштабах 40-х годов не удалось. Объяснение этому кроется, прежде всего, в причинах экономического характера.

Завершение промышленного переворота в Англии в 40—50-х годах превратило эту страну в диктатора на мировом рынке. Приток континентальных капиталов в связи с революционными событиями 1848 г. в Европе, открытие золота в Австралии и Калифорнии в конце 40-х годов наряду с наличием огромных колониальных владений чрезвычайно обогатили английскую буржуазию, дали ей возможность получать огромные сверхприбыли и использовать известную часть их для подкупа верхушки рабочего класса. В результате этого быстро создавалась прослойка рабочей аристократии в недрах самого рабочего класса, которая отказалась от активной политической борьбы и встала на путь крохоборческой борьбы за мелкие уступки в рамках капитализма.

Влияние этой обуржуазившейся прослойки пагубно сказывалось и на остальной части английского рабочего класса. Уже в 1851 г. Маркс и Энгельс указывали на наличие в среде чартистов представителей рабочей аристократии, которые вместе с мелкими буржуа «составляют чисто демократическую фракцию, программа которой ограничивается Народной хартией и еще кое-какими мелкобуржуазными реформами»⁷¹. В 1858 г. в одном из писем к Марксу Энгельс отмечал: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта наиболее буржуазная из всех наций, повидимому, хочет, в конце концов, иметь на-ряду с буржуазией буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат. Для нации, которая эксплуатирует весь мир, это и в самом деле является до известной степени естественным»⁷².

В. И. Ленин, указывая на причины упадка революционного чартизма в Англии, писал:

«Особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что по крайней мере две крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении»⁷³.

После 1848 г. революционный дух английских рабочих и их передового отряда — чартистов был надломлен, чему в немалой степени способствовало июньское поражение французского пролетариата. Серьезное значение имела и неоднородность самого пролетариата, а также идеологическое влияние, оказываемое на него мелкой буржуазией.

В этом, по-видимому, следует искать причину того, что программа чартистского Конвента 1851 г. (социальные требования которой, безусловно, отвечали коренным интересам подавляющей массы английского пролетариата) в условиях общего подъема капитализма в Англии и подкупа буржуазией верхушки рабочего класса не встретила широкого сочувствия и поддержки среди остальных трудящихся и мелкобуржуазных слоев населения, на которые рассчитывали чартисты в своем стремлении возродить широкое общенародное движение за Хартию. Но главное заключалось в том, что сама основная масса английского рабочего класса в эти годы еще не доросла до уровня передовых элементов чартизма и в силу объективных условий не была готова воспринять идеи социализма.

Именно в эти годы английский тред-юнионизм в его классической фор-

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 471—472.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 360.

⁷³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 100—101.

ме начал занимать место революционного чартизма, а идеология соглашательства и реформизма — все более заражать широкие слои рабочих.

«Мы считаем, что тесный союз между антагонистическими элементами — капиталом и трудом — может быть достигнут практически... Мы не являемся друзьями антагонизма классов и не проповедуем политической борьбы»⁷⁴, — заявил в 1852 г. секретарь Национальной ассоциации тред-юнионов Уильям Пиль. В этих словах была высказана суть идеологии тред-юнионизма, главные проповедники и приверженцы которой, отвергая идею социальной революции, видели в экономической борьбе за частичные улучшения положения рабочего класса альфу и омегу своей политической программы.

В 1853 г., когда Э. Джонс, выступая на митинге в Престоне по случаю всеобщей стачки рабочих этого города, стал убеждать их в необходимости придать стачке политический характер, ему не дали говорить⁷⁵. К концу 50-х годов XIX в. боевой, революционный голос чартистов окончательно потонул в общем хоре тред-юнионистов — соглашателей.

50-е годы XIX в. охватывают, таким образом, период, когда практическое массовое движение рабочих за Хартию замерло. Вместе с тем это был период, когда левыми лидерами чартизма предпринимались героические попытки возродить движение на новой основе — на основе признания необходимости социалистической революции. Огромная роль Маркса и Энгельса в борьбе за возрождение революционного чартизма на новой социалистической основе не подлежит сомнению. Историческое значение их деятельности в эти годы для английского рабочего класса заключалось в том, что они направили агитацию и пропаганду чартистов по единственно правильному пути — по пути борьбы за создание независимой, массовой пролетарской партии. И, несмотря на то, что возродить массовое чартистское движение не удалось, эта борьба не прошла бесследно. Она закрепила революционные традиции английского пролетариата и подготовила почву для последующей деятельности I Интернационала в английском рабочем движении. Идеология чартизма в эти годы под влиянием учения Маркса и Энгельса поднялась на более высокую ступень. В этом заключается основное историческое значение указанного периода развития чартизма.

⁷⁴ «People's Paper», August 14, 1852, № 15, p. 5, col. 4.

⁷⁵ См. «New York Daily Tribune», March 22, 1855, p. 4, col. 4.

